

V. Эссе

Михаил Блюменкранц

Проснувшиеся в Армагеддоне: размышления о символической реальности в эпохи кризисов

В рассказе Рэя Брэдбери *Уснувший в Армагеддоне* астронавт, потерпевший крушение на чужой планете, в течение четырех дней отчаянно борется с наваливающимся на него сном. Он знает, что если он сдастся, уступит, его сознанием безраздельно завладеют невидимые обитатели этого пугающего, враждебного мира. Мы же часто оказываемся перед угрозой иного рода: внезапно пробудиться, очнуться от привычных будничных сновидений и очутиться лицом к лицу с непостижимой действительностью.

Одним из важнейших условий нашего пребывания в состоянии грезящего сознания является присущая нам способность удобно обустроиваться в пространстве символической реальности. Наши привычные представления о действительности, о себе самих и о других, то, что мы называем своей системой ценностей, наши вкусы и эстетические предпочтения, словом, все то, из чего складывается наша картина мира, – все это мы кропотливо собираем в паззлы символических форм, имеющиеся в нашем распоряжении. Мы создаем реальность так же, как и реальность создает нас. Символические формы – это оптика, посредством которой наше сознание фокусируется на окружающем мире. Эта оптика позволяет нам не только преобразовывать окружающий нас хаос в космос, но и дает возможность структурировать саму нашу личность, преобразуя и упорядочивая хаос нашего внутреннего мира. Таким образом, собственно, и выполняется основная цивилизационная миссия культуры.

В связи с вышесказанным возникает естественный вопрос – а что же такое символ, чем он принципиально отличается от другого семантического знака? О значении символа и о проблемах символизма существует обширная литература. Однако, чтоб не заниматься инвентаризацией сухих научных дефиниций, попробуем привести один наглядный пример отличия знака от символа. Возьмем деревянный крест. Для человека, находящегося вне определенного культурно-исторического контекста, это просто две сколоченных вместе деревяшки. Для другого – это *знак*, указывающий на кладбище. Для человека, обладающего достаточной эрудицией и не являющегося верующим христианином – это *эмблема*,

важнейший атрибут христианской религии, распространенный способ казни во времена Римской империи. Для верующего христианина – это сакральный *символ* искупительной жертвы Иисуса Христа.

В первом случае крест воспринимается сознанием субъекта как материальный объект окружающего мира, не несущий в себе никаких дополнительных смыслов, во втором – как сигнал, метка, маркер специфически организованного пространства; в третьем – как эмблема, оживляющая в памяти значимые события человеческой истории, и, наконец, в последнем – крест воспринимается как символ в его сакральном значении: человек переживает страдания распятого Христа как собственный экзистенциальный опыт, вплоть до появления стигматов веры. В данном случае символ является не только и не столько формой познания, но прежде всего формой восприятия и переживания мира. «Язык символов», – полагал Эрих Фромм, – «это язык, посредством которого мы выражаем наше внутреннее состояние так, как если бы оно было чувственно воспринимаемым, как если бы оно было чем-то таким, что мы думаем, или чем-то, что делается с нами в окружающем материальном мире. Язык символов – это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума»¹.

Эрнст Кассирер, который рассматривал культуру как иерархию символических форм, писал: «Миф и искусство, язык и науки являются ... формами *чеканки бытия*, они не просто отпечатки нашей действительности, а директивы движения духа, того идеального процесса, в котором реальность конструируется для нас как единая и многообразная, как множество форм, спаянных в конечном счете единством смысла»². В продолжение идей Э. Кассирера приведем высказывание Альфреда Вебера: «Каждая культура существует в своем уникальном историческом теле. Возникает не объективный космос, а душевно обусловленная рядоположенность символов»³.

В то же время имеется и точка зрения, которая рассматривает символ не как нашу субъективную проекцию, форму *чеканки бытия*, а как объективно существующую действительность. Романо Гвардини полагал, что: «...символ так же реален, как химическая субстанция или телесный орган»⁴. По мнению Пауля Тиллиха: «... символы соучаствуют в той реальности, на которую указывают»⁵. Более того, символы способны «... не только обнажать те измерения и элементы реальности, которые иначе были бы недоступны нам, но и открыть те измерения и элементы нашей души, которые соответствуют этим измерениям и элементам реальности»⁶.

¹ Фромм Э. Забытый язык // он же. Душа человека. М., 1992. С. 185.

² Кассирер Э. Философия символических форм. М., СПб., 2002. Т. 1. С. 41.

³ Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 21.

⁴ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 141.

⁵ Тиллих П. Избранное: теология культуры. М., 1995. С. 160.

⁶ Там же. С. 160.

Вопрос о субъективном или объективном характере символических форм можно переформулировать в другой плоскости: насколько объективен или субъективен мир человеческой культуры. С одной стороны, он субъективен, как креативный акт человеческого сознания, с другой – он объективен как материализовавшийся артефакт нашего бытия.

Существование символических форм позволяет человеку быть демиургом: творить окружающий мир по своему образу и подобию.

Но, как всякое истинное творчество, эта работа не сводится только к работе сознания. Один известный американский писатель как-то отозвался о творчестве своего собрата по перу в том духе, что тот никогда не станет большим писателем, так как у него слишком мало хаоса в подсознании. (Это высказывание прозвучало еще до известной теории И.Р. Пригожина о «творящем хаосе».)

Все тот же П. Тиллих, вслед за К. Юнгом, считал: «Преднамеренно создать символы невозможно... Они рождаются в индивидуальном и коллективном бессознательном и способны действовать, лишь если их примет бессознательное измерение нашего бытия. Символы, исполняющие особую социальную функцию, как например, политические и религиозные, творятся, или, по крайней мере, принимаются коллективным бессознательным той группы, в которой они возникают»⁷.

Так же, как и в рассказе Р. Брэбери, где голоса инопланетян, лишенных собственной плоти, способны материализоваться только в чужом теле, во время сна, т.е. в бессознательном состоянии, так и символы рождаются и овладевают нашим сознанием на каком-то смутном, не подотчетном рациональному мышлению уровне нашего Я. Это уровень веры, а не знания. Здесь мир, в котором чары поющих сирен подчас приобретают неодолимую власть над нашими душами. Вместо того чтобы открывать новые измерения действительности, символ начинает аннулировать реальность, заменяя мир реальных объектов их символическими значениями. Таким образом, конкретная реальность ускользает, без остатка растворяясь в символе. Символ подменяет собой действительное содержание реалий нашего бытия. История изобилует многочисленными примерами, когда охваченные святым чувством поруганной справедливости массы безжалостно истребляют друг друга и умирают в полной убежденности, что делают это во имя высших нравственных ценностей: свободы, братства, светлого будущего всего человечества. Когда же рассеивается мираж, завороживший их сердца символической реальностью, то оказывается, что разрушенные города, годы бед и лишений, горы оставленных трупов оказались неизбежной платой не за воплощение в жизнь святых идеалов, а непомерной ценой, заплаченной за то, чтобы одних ничтожных властителей сменить другими, не менее ничтожными.

Проблема заключается в том, что символы способны не только открывать новые уровни реальности, но и успешно камуфлировать существующие. В этом,

⁷ Там же. С. 160.

последнем случае, символ становится эффективным средством ценностных подмен и искусным способом манипуляции массовым сознанием. И тогда, как это происходит с объемным изображением на открытках, вместо вымечтанного Золотого века в духе Клода Лорена, нам неожиданно открывается картина брейгелевских слепых, ведущих толпы незрячих в *Сад радостей земных* Босха.

Символическая реальность может оказаться как условием наших высочайших духовных взлетов, так и причиной наших глубочайших нравственных падений. Трудно обрести знамя, но еще больше усилий требуется иной раз для того, чтобы его потерять.

На заре человеческой истории, в архаических обществах, символическое мышление было важнейшим средством адаптации человека к окружающему миру. Символ лежал в основе магии и, используемый в магических целях, являлся не только способом познания мира, но, в первую очередь, способом овладения, подчинения себе природных стихий. Внутренние переживания и внешний мир находились в непосредственном нерушимом единстве, и, в соответствии с уже цитированными воззрениями Э. Фромма, работа души обуславливала картину мира и его символическое содержание. В ходе дальнейшего исторического развития постепенно теряется это единство, как и представление, присущее архаическому сознанию, о неразделимости конкретного предмета и его символической формы. В процессе отмеченной Максом Вебером рационализации отношений человека с миром природы, *расколдованием мира*, символические значения обретают более автономное, независимое от предметного мира существование. Происходит дифференциация некогда целостного мира магической реальности на мир материальных и мир духовных сущностей, раскол между которыми со временем увеличивается. Сакральное измерение бытия трансцендирует из реальной действительности в действительность идеальную, и символ из мощного средства овладения природной средой становится мостиком, соединяющим расколовшийся мир.

В результате произошедших перемен усиливается функция символических форм как способа познания действительности, но при этом хоть и ослабляется, но отнюдь не атрофируется их магическая функция подчинения, овладения окружающим миром. Как тонко подметил Вольфганг Гете, «Мы имеем дело с истиной символической, когда особое репрезентирует общее не как сновидение и тень, но как жизненно-мгновенное раскрытие неиспытываемого»⁸. Именно это *жизненно-мгновенное раскрытие неиспытываемого*, в котором *особое репрезентирует общее* и является скрытым инструментом магического воздействия символа, благодаря которому целостность мира не познается, а переживается как единство природы и духа, внешнего и внутреннего, духовного и телесного. На этом уровне сознания символ приобретает творческую силу, с неограниченной мощью воздействия на реальность материального мира. Таковую особенность символиче-

⁸ Цит. по: Аверинцев С. София-Логос: словарь. К., 2005. С. 392-393.

ских форм отмечал Э. Кассирер: «Символические формы – это не просто события, которые играют в нас и с нами, они – особые *энергии*, с чьей помощью строится мир культуры, мир языка, искусства, религии»⁹.

С исчезновением магического сознания эти особые энергии сублимируют, трансформируясь из средств овладения природным миром в средства открытия и овладения духовной реальностью. Особенно интенсивно этот процесс проходил в эпоху Средневековья. По мнению Р. Гвардини, «Средневековый человек видит символы повсюду». Этому времени, считает философ, свойственно «... – на самом элементарном уровне – познание символического содержания бытия»¹⁰.

Однако обладая огромной культуросозидающей мощью, символические формы несут в себе в то же время и серьезные риски, риски иссякновения *реального* бытия. Эту опасность хорошо понял и сформулировал один из исследователей: «Можно утверждать, что *главная особенность символизации, как приема абстрагирования, заключается в том, что она позволяет нам оперировать с объектами предметно-физической реальности по законам воображения, а не по физическим (природным) законам*. Говоря иными словами, в пространстве символической реальности материальные объекты и природные явления освобождаются от своей физической закрепленности и связанности. Это позволяет высказать предположение о том, что *главной функцией символической реальности является размягчение "реальной реальности", придание ей пластических, "жидкостных" свойств*»¹¹.

Об опасностях, подстерегающих нас в символизме, предупреждал Альфред Норт Уайтхед: «Существует большая разница между символизмом и научным знанием. Прямой опыт непогрешим. Чему вы научились, тому и научились. Но символизм более подвержен погрешности в том смысле, что он может индуцировать действия, чувства, эмоции и доверие к вещам, которые являются просто понятиями без той достоверности в мире, которую символизм заставляет нас предположить. Я хочу развить тезис о том, что символизм является важным фактором для того, как мы действуем в результате нашего прямого знания. Высокоразвитые организмы возможны только при условии, что их символические действия обычно оправданы постольку, поскольку это связано с важными результатами. Однако ошибки человеческого рода равным образом проистекают из символизма. Задача рассудка – понять и очистить символы, от которых зависит человечество»¹².

Из всего вышесказанного и процитированного напрашиваются, по крайней мере, три вывода. Первый – символы обладают высоким энергетическим потенциалом. Второй – символы способны открывать новые уровни реальности как в окружающем нас мире, так и в нашем сознании. И третий – символы могут вы-

⁹ Кассирер Э. Избранное: опыты о человеке. М., 1998. С. 59.

¹⁰ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. №. 4. С. 134.

¹¹ Речицкий В. Символическая реальность и право. Львов, 2007. С. 27.

¹² Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1991. С. 9.

ступать в качестве эффективного средства по размыванию конкретной реальности и ее успешному преобразованию в фантомную действительность, творимую нашим воображением.

Исходя из этих трех присущих символической реальности свойств, попытаемся взглянуть на актуальные проблемы сегодняшней европейской действительности.

Сегодня у людей духовно чутких появилось ощущение какого-то глубинного тектонического сдвига, происшедшего в еще вчера казавшемся стабильным мире. На смену вере в прочность мирового порядка приходит чувство нарастающей тревоги и неуверенности, предчувствие надвигающейся катастрофы. Успешный процесс глобализации, под знаком которого прошли последние десятилетия, столкнулся с вызовами, которые, впрочем, сам он и породил. Невольно вспоминается предостережение одного из современных мыслителей о том, что все цивилизации в конечном итоге погибают от тех ядов, которые они сами и вырабатывали в процессе своего развития. Добавим еще, что мы чаще всего до последнего момента не замечаем губительного действия этих ядов, так как их работа совершается, как правило, незаметно.

Как ни банально звучит высказывание о том, что мы живем в эпоху стремительных перемен, бесспорно, что процессы, которые в прошлые времена занимали столетия, теперь нередко протекают в продолжение жизни одного поколения. Стремительные изменения происходят не только в сфере научно-технического прогресса и на уровне социально-экономических условий нашего существования, но и в пространстве символической реальности, присущей как индивидуальному, так и общественному сознанию. Происходит радикальная переоценка традиционной системы ценностей и пересмотр существовавших на протяжении тысячелетий табу. Процесс неотвратимый и исторически неизбежный, но зачастую сопровождаемый серьезными катаклизмами и глубокими потрясениями, в итоге приводящий иногда к успешной модернизации, а иногда и к гибели вступивших на путь кардинальных преобразований цивилизаций.

Смена фундаментальных культурных ценностей и священных табу, несущих сакральный смысл, обычно свидетельствуют о сломе культурной парадигмы. Начиная со времен племенной культуры и первых архаических форм государственного устройства система табу структурировала социокультурный континуум человеческих сообществ. Процесс радикального растабуирования грозит разрушением основ цивилизации и крахом ее культурной парадигмы, если он не сопровождается появлением новой системы ценностей, заповедей и запретов, наделенных сакральным значением.

И вот сегодня мы стали свидетелями и невольными участниками многочисленных столкновений на почве неоспоримой правоты своих символических форм, происходящих в глобализированном мире.

Современную ситуацию в западном мире определяют, по меньшей мере, два фактора. С одной стороны, это глубинные внутренние процессы ускоренной мо-

дернизации всех форм культуры и технических средств европейского социума. С другой – коренные изменения состава народонаселения в европейских странах, происходящие в результате мощных волн иммиграции из стран третьего мира, прежде всего, мусульманских. Первый фактор нашел свое выражение в постмодернистских проявлениях индивидуального и общественного сознания, воплотившихся в искусстве, политике и социальной сфере: от театральных и политических перформансов до института однополых браков и гендерного равенства, воспринимаемого как тождество. Второй фактор – опыт по реализации грандиозного проекта ассимиляции или, по крайней мере, интеграции огромных масс людей с принципиально разными культурными ценностями и мировоззренческими установками в единый социум.

Провал проекта мультикультурализма не так давно признали политические лидеры европейских стран¹³. То, что могло успешно состояться в США, где работал плавильный котел молодой, только еще зарождающейся культуры, и из различных культурных элементов создавались новые формы, не сработало на прошедшей свой специфический тысячелетний путь развития европейской кухне. Не каждый дичок можно привить ко всякому дереву. Даже если совпадают генетические коды культур, видимо, должны совпадать и их возрастные характеристики, и временные стадии исторического развития цивилизаций. Не следует забывать, что и сам сравнительно успешный *американский проект* осуществился вследствие вытеснения и частичного истребления населявших территорию страны индейских племен. Христианская культура в лице своих европейских представителей «умело» интегрировала культуру аборигенов в жестких границах отведенных для носителей этой культуры резерваций. Попытка же осуществить социокультурный симбиоз, с одной стороны, светского постиндустриального общества, берущего свое начало в секуляризованной философии европейского Просвещения и отстаивающего идеалы свободы убеждений и приоритета прав личности, а с другой стороны, с обществом, руководствующимся глубоко сакрализованными законами Шариата и рассматривающим человека как послушное орудие воли Аллаха, вряд ли имеет шанс на успех. Трудно найти основу для взаимных компромиссов, скорее, отыщутся причины для взаимных конфликтов. И в таких конфликтах символическая реальность исламского мира способна создавать более мощные поля энергетического воздействия на сознание правоверного мусульманина, нежели символическая реальность нашего постиндустриального общества на секуляризованное сознание западноевропейского индивида, придерживающегося светлых идеалов свободы и демократии.

Проблема состоит и в том, что в процессе постмодернистской перестройки западного сознания под воздействием лежащей в основе этого проекта релятивистской мировоззренческой установки произошло энергетическое истощение символических форм. В то время как религиозное мироощущение населения ислам-

¹³ [Это спорный тезис: существуют в Европе также и примеры удачного сосуществования различных культур – прим. ред.]

ского мира сохраняет высокую энергетику своей сакральной символики. Отсюда и его бóльшая пассионарность.

Упадок энергетики символических форм, произошедший под влиянием рационализации отношений человека с окружающим миром, является следствием катастрофического ослабления витального начала современной западной цивилизации, свидетельством ее дряхления. В то же время у нее появляются искушения второй молодости, которые несут в себе националистические движения, пробуждающиеся в ряде европейских стран. В них кроется мощный соблазн обретения современным индивидом утерянной им ценностной самоидентификации на основе приобщения к сверхличностным ценностям, где вакантное место Бога занимает народ. Однако вряд ли наступление новой эпохи варварства может стать панацеей для нашей слабеющей цивилизации. Скорее, оно сможет дать лишь кратковременное ощущение вернувшихся сил и здоровья, иногда обманчиво возникающее у больного на пороге смерти. Любовь к ближнему, вспыхнувшая на почве ненависти к дальнему, как правило, ненадежна и непродолжительна. В то время как коллективное чувство ненависти не в пример прочней и живучей, и с уничтожением дальнего с успехом находит свой предмет в ближнем. Все это с удручающим постоянством повторяется в массовых движениях. Причем развитие средств современных коммуникаций вносит в этот процесс свои новации.

Сегодня для того, чтобы психологически ощутить эффект своего присутствия в толпе, в массе, не обязательно выходить на улицу. Индивид органично становится частью толпы, не покидая своего компьютерного кресла. Посредством социальных сетей или, на худой конец, через пропагандистские трансляции телевизионных каналов он подключается к коллективной символической реальности и энергетически подзаряжается от нее. Все то, что происходит даже с высокоразвитым индивидом, оказавшимся частью уличной толпы, происходит и с ним. Как известно, в толпе человек приобретает драгоценное право на анонимность, что приводит к исчезновению у него мучительного чувства личной ответственности.

О психологии масс написано немало работ. Приведу только две цитаты из одного автора, имеющие непосредственное отношение к нашей теме: «Масса чрезвычайно легко поддается внушению, она легковерна, она лишена критики, невероятное для нее не существует. Она мыслит картинками, которые вызывают одна другую так, как они появляются у индивида в состоянии свободного фантазирования. Они не могут быть измерены никакой разумной инстанцией по аналогии с действительностью. Чувства массы всегда просты и чрезмерны. Итак, масса не знает ни сомнений, ни колебаний, высказанное подозрение превращается у нее тотчас в неопровержимую истину, зародыш антипатии – в дикую ненависть»¹⁴. «И, наконец, массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться. Ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным, несуществующее оказывает на них столь же сильное воздей-

¹⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. С. 186.

ствие, как и существующее. У них есть явная тенденция не делать разницы между ними»¹⁵.

Все это свидетельствует о том, что эффективность воздействия символической реальности на индивида в толпе резко возрастает. Как и о том, что психологические состояния, возникающие, по мнению Г. Лебона, в массовом сознании, могут вполне успешно транслироваться и захватывать сознание индивида при помощи имеющихся масс-медиа и средств коммуникации, даже если при этом фактически человек не находится в окружении толпы.

Созданное современной цивилизацией тотальное информационное пространство наряду с позитивными факторами – расширением индивидуального кругозора – несет в себе и скрытые угрозы порабощения личности массовым сознанием. Это пространство, всепроникающее, словно радиация, работает не только методом рациональной обработки нашего сознания, но и как технология незаметного вторжения в пласты нашего бессознательного. И в конечном итоге оно закрепляется в нашей душе скорее как феномен нашей веры, нежели как результат нашего познания. В итоге мы оказываемся в символической реальности, которую воспринимаем как плод наших духовных усилий и жизненного опыта, не замечая того, что ее в нас искусственно, без нашего ведома, имплантировали. Информационное пространство, как правило, всегда суггестивно заряжено, и гипнотическое воздействие этой суггестии по большей части остается для нас скрытым. Во времена серьезных кризисов – войн, революций, стихийных бунтов – символические формы сакрализуются и дают мощную энергетическую подпитку национальным, социальным, конфессиональным и другим противоречиям и конфликтам, вызывая неподдельный энтузиазм массовых движений. Основной соблазн таких движений кроется в том, что индивид, захваченный волной общего энтузиазма, переживает свое существование как невероятно наполненное, удивительно полноценное и необыкновенно интенсивное, в отличие от привычной будничной рутины. Пребывание в подобном состоянии оказывается прекрасным наркотическим средством, не позволяющим ему осознать тот факт, что теперь он существует уже в фантомной реальности, в гипнотическом сне овладевших его сознанием символических форм. Тем более что эта реальность плотно населена его многочисленными единоверцами. Самое глубокое погружение в гипноз – погружение в гипноз коллективный. Эту характерную черту массового сознания отмечал и Г. Лебон: «В психологической массе самое страшное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятия, их характер и степень интеллектуальности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть

¹⁵ Там же. С. 187.

идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массу»¹⁶.

Парадокс состоит в том, что то, что первоначально казалось актом свободного выбора индивидом своей личностной самоидентификации, на деле обернулось полным растворением личностного «я» в коллективном «мы». Произошло расплытие индивидуальной души и индивидуальной воли в общем энергетическом поле символических форм, индуцированном массовым сознанием.

Недаром, по мнению некоторых мыслителей, отличительной чертой нашего времени стала ситуация, определяемая как «восстание масс», т.е. эпоха господства массового сознания во всех сферах социокультурной жизни общества. Философия постмодерна явилась органичным выражением этой массовой души. Основной пафос постмодернистского мироощущения заключается в отрицании какой-либо иерархии как в культуре, так и в общественной жизни. Руководствуясь в высшей степени благородными побуждениями, оно отстаивает либеральные убеждения о самоценности и автономности каждой индивидуальной формы социокультурного бытия.

Существовавшие в истории человечества иерархические системы так или иначе были источниками угнетения и несправедливости привилегированных слоев общества по отношению к непривилегированным. Нравственное чувство приверженца борьбы с иерархическим принципом оскорбляет и сам способ мышления бинарными оппозициями, создающий неизбежные предпосылки для возникновения всевозможных иерархических структур. Ведь сам принцип деления на хорошее и плохое, высокое и низкое, талантливое и бездарное, свое и чужое, уже содержит в свернутом виде репрессивную составляющую. Однако, при всем сочувствии к моральному императиву, лежащему в основе этого мировоззрения, возникает невольное опасение – не явится ли избавление от головной боли следствием избавления от самой головы.

Несмотря на значительный ущерб, понесенный человечеством в результате логически выстроенных иерархических систем, сам принцип иерархии является неотъемлемым базовым свойством как культуры, так и бытия, поскольку они основываются на принципе качественных отличий. Неиерархичны лишь небытие или же сверхбытие, т.е. Бог. Из чего следует, что проведенная до своего логического конца кампания по избавлению от всех и всяческих иерархий – это форма манифестации небытия, т.к. сверхбытие нам по-прежнему не угрожает.

Что же касается борьбы со сковывающими мышление бинарными оппозициями, то, к сожалению, эти оковы спадают лишь на высоких стадиях определенных духовных практик. Но так называемое состояние просветленного сознания, как свидетельствует исторический опыт, в долговременной перспективе доступно только немногим избранным. Для простых же смертных с сознанием, омраченным жизненной суетой и мирскими заботами, выход за рамки бинарных оппози-

¹⁶ Лебон. Психология народов и масс. Цит по: Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 74.

ций, боюсь, будет означать не преодоление иллюзорной двойственности мира, а отказ от мышления как такового и растворение в постмодернистском *хаосмосе*.

Пройдя опыт осознания относительности всех доставшихся нам в наследство культурных и нравственных ценностей как целиком обусловленных обстоятельствами исторического развития предшествующих поколений, мы достигли таких несомненных духовных завоеваний современной цивилизации, как толерантность, политкорректность, мультикультурализм, и прочие сравнительно безопасные формы проявления любви к ближнему. Однако вместо поколения освобожденных прометеев наше общество репродуцирует лишь мучимых жаждой удовольствий танталов, утративших саму способность испытывать удовольствия.

Эпоха индивидуализма оказалась на редкость бедна индивидуальностями. Символическая реальность современного постиндустриального общества, при всей своей кажущейся пестроте, скудна и убога. Она не способна придать человеческому существованию какой-либо высший смысл, вернуть утерянное чувство единства с универсумом, укорененности в бытии. Процесс отчуждения личности, провозглашенный еще философией экзистенциализма, сменился процессом ее разложения и распада, запротоколированным деконструктивизмом.

Новые ценностные ориентиры, выработанные современной либеральной мыслью, берут свое начало в секуляризованном гуманизме эпохи Просвещения. Они лишены горизонта Вечности, который был присущ религиозному мироощущению, и потому наглухо замыкают человека в пространстве трех измерений. В такой ситуации символическая реальность обречена на малокровие – открываемые ею смыслы живут в других измерениях. Таким образом, нарушенной оказывается корневая система культуры, которая успешно питала существовавшие до нас цивилизации.

Процесс рационализации отношений человека с природой, расколдования мира, продолжается сегодня как процесс растабуирования общества. Он без сомнения имеет свои позитивы, но в то же время несет и смертельные риски – риски обмеления бытия. Символическая реальность, изгоняемая в ее привычных формах, может вернуться к нам в формах демонических.

Работа цивилизации по одомашниванию человека как вида, его приручению и преодолению заложенных в нем хищнических инстинктов в какой-то момент казалась близкой к успеху. Но то, что успешно вытеснялось нашей постмодернистской эпохой из сознания современного человека, осталось существовать в древнейших слоях его подсознания. И уже несложно заметить, что импульсы к новому коллективному единению на основе сверхличностных целей, обретающие и сакрализирующие те или иные символические формы, легко находят пути к архетипам его бессознательного. И воинственные голоса давно умерших обитателей этой планеты внезапно начинают звучать в нас самих. И мы снова готовы повторить губительный опыт прошедших поколений, принося кровавые жертвы на священные алтари фантомной реальности.